

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ В РАННЕСОВЕТСКОЙ УЧЕБНОЙ КНИГЕ

Злата Климас

УДК: 8+82.

Ключевые слова:
детская литература,
советская школьная хрестоматия,
книга для чтения,
зообеллетристика.

Аннотация

В пореволюционные годы учебная книга в Советской России становится объектом множества реформ. Среди важных следствий этих преобразований — идеологизация учебника и, как результат, сокращение природоведческих текстов в их содержании. Однако некоторые тексты о животных авторов дореволюционной эпохи все же продолжают встречаться в хрестоматиях, наряду с рассказами новых советских зообеллетристов. Образуется устойчивый корпус текстов, требующий описания. На материале рассказов о животных, встречающихся в хрестоматиях и книгах для чтения за период 1920–1930-х гг., в статье рассматриваются основные подходы к художественному описанию животных. Сопоставление с дореволюционной традицией позволяет сделать определенные выводы о характере обновления раннесоветского школьного канона зообеллетристики.

Animal Stories in the Early Soviet Educational Book

Zlata Klimas

Keywords:
children's literature,
soviet textbook, reader,
animal fiction.

Abstract

In the post-revolutionary years, the educational book in Soviet Russia became an object of many reforms. Some of the most important consequences of these reforms are the ideologization of textbooks and the reduction in the number of texts about nature and animals in their content. Nevertheless, there are still some texts about animals by pre-revolutionary authors in anthologies as well as short stories by new Soviet animal fiction writers. This corpus of texts has to be described. Based on short stories about animals from the textbooks for the period of 1920–1930, the article examines the main approaches to the artistic description of animals. The comparison with the pre-revolutionary tradition enables us to make some particular conclusions about the nature of the early Soviet school animal fiction canon's renewal.

Как пишет Р. Абрамов, «революция 1917 г. предполагала не только глубокое переустройство политического, социального и экономического уклада российской жизни, но в первую очередь создание “нового человека”, наделенного сознанием и мировоззрением нового типа» [Абрамов 2013: 82]. Закономерно, что одним из главных ключей к созданию нового советского гражданина была система образования. К началу третьей декады XX века большевистский проект по переделу всех сфер общественной жизни распространился и на образование. Уже в 1918 году были опубликованы «Основные принципы единой трудовой школы», утвердившие новые методы учебно-воспитательной деятельности пореволюционной школы и сформировавшие единую систему образования. В рамках нее труд понимался как смысловой центр образования, а его главной функцией провозглашалось воспитание будущих строителей коммунизма. Акцент на трудовом характере образования заключался в том, что знания давались постольку, поскольку они потенциально применимы в дальнейшей трудовой деятельности. Критикуя буржуазную систему образования, советская власть особенно выделяла ее оторванность от жизни: «Мы не должны брать из старой школы того, когда память молодого человека обременяли безмерным количеством знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных» [Ленин 1967: 305]. Борьба со схоластикой и ориентация на новый уклад жизни обусловили ряд радикальных преобразований.

Попытка адаптировать учебную книгу к нуждам новой советской педагогики выразилась во множестве экспериментов: от отмены хрестоматии как таковой до введения журналов-учебников [Сенькина 2008]. Интересно, однако, что в первые годы советской власти обучение продолжало вестись по дореволюционным пособиям с некоторыми купюрами. Книга для чтения нового образца появилась лишь в 1923 году.

В контексте таких перемен в системе образования вообще и в учебной литературе в частности интересно рассмотреть состояние школьного литературного канона. Особого внимания заслуживает такой малоизученный материал, как отечественная зообеллетристика. В том или ином виде тексты о животных присутствуют почти в каждой учебной книге для начальной школы. Некоторые хрестоматии уделяют много внимания литературе о животных, помещая ее в отдельные тематические блоки. В то же время есть и такие пропагандистские издания, которые нацелены преимущественно на идеологическое воспитание подрастающих коммунистов и в которых мы не находим не только авторской зообеллетристики, но и так называемых «народных»

Илл. 1. Байдина А.
 Прянишникова Е.
 За новую жизнь.
 М.: Работник
 просвещения,
 1930. С. 30.

текстов о животных. Логично, что первый тип учебника будет интересовать нас в наибольшей степени.

Количество текстов о животных в содержании учебной книги зависит от того, насколько интенсивно в ней транслируются производственное знание и идеологические ценности. К началу культурной революции градус политизированности школьного учебника ожидается повышается, однако первые годы советской власти характеризовались определенной инертностью в обновлении содержания хрестоматий и книг для чтения [Сенькина 2008]. По этой причине изученный материал можно разделить на три категории по степени идеологического влияния:

1. Крайне ангажированные учебники, первоочередная задача которых — научить ребенка ориентироваться в новой действительности, из их содержания художественные тексты все более исключаются. К этой категории можно отнести «Книгу для чтения» И. Палей и Г. Энтиной [Палей, Энтина 1935], содержание которой призвано рассказать ученику о новом социальном устройстве и истории революции.
2. Книги для чтения, ориентированные на дореволюционную традицию и, следовательно, почти не освещающие политическую повестку. Как правило, представляют собой сборники начала XX в., переизданные без значительных изменений. Важно отметить, что если в первые пореволюционные годы содержание таких книг оставалось практически прежним, то постепенно оно меняется в угоду политическому режиму. Такой процесс можно наблюдать, к примеру, в книгах для чтения О. Флерова «Ясное утро» [Флеров 1929], издававшихся с 1911 по 1930 год.

3. Учебная литература, находящаяся в промежуточном положении между первым и вторым. Такова, например, хрестоматия «Зеленый шум» [Зеленый шум 1925], сочетающая в себе как тексты с новой идеологической повесткой, так и большое количество традиционных для дореволюционной учебной книги текстов русских классиков.

Закономерно, что первая категория книг для чтения выходит со временем в авангард учебной литературы, в то время как более традиционные учебники довольно стремительно элиминируются из печати или кардинально меняют свое содержание. Наибольший интерес для нас представляют вторая и третья категории.

Нами были рассмотрены учебники для первого, второго, третьего и четвертого годов обучения. **Наибольшее количество текстов о животных можно обнаружить в книгах для второго года обучения, когда, с одной стороны, школьник уже вполне научился читать, а с другой — только-только начал свой путь в общество и, прежде чем знакомиться с социальными институтами, должен освоить такую базовую категорию, как окружающий мир.**

Всего было рассмотрено 64 хрестоматии и книги для чтения за период 1920–1930 годов. Из них только 16 содержат авторские тексты о животных. Именно на этом материале будет исследовано представление зообеллетристики в раннесоветской учебной книге: какова специфика образно-тематического наполнения текстов, попавших в учебник, какие авторы выходят в авангард школьного канона, а также как соотносятся тексты новых советских авторов и писателей дореволюционной эпохи.

Давая характеристику текстам о животных в раннесоветской учебной книге, начнем с того, что в пореволюционный период зообеллетристика в хрестоматиях и книгах для чтения представлена преимущественно работами таких авторов дооктябрьского периода, как К. Ушинский, Д. Мамин-Сибиряк, Л. Толстой и А. Бостром. Примечательно, что здесь мы имеем дело с уже сформировавшимся набором постоянных текстов, вариации в котором — редкость. Такой своего рода канон составляют рассказы: «Как еж жил в комнате», «Рыжуха и ее жеребенок», «Овца», «Овец стригут», «Курица» и др. Бостром, «Корова», «Котенок» и «Русак» Толстого, «Серая шейка» и «Не мое дело» Мамина-Сибиряка, а также «Бодливая корова», «Пчелки на разведках» и «Чужое яичко» Ушинского. В каждой из рассмотренных книг можно обнаружить те или иные из вышеперечисленных текстов в сокращенных или полных вариантах.

Важно кратко охарактеризовать рассказы о животных в дореволюционной учебной книге, чтобы иметь представление о том, как меняется школьный канон зообеллетристики в раннесоветское время.

В целом, анализируя состав учебной книги дооктябрьского периода, нельзя не заметить, что количество анималистических текстов в их содержании значительно больше, чем в учебнике 1920-х гг. Безусловно, ни одна хрестоматия того времени не обходилась без рассказов и стихотворений о животных, в отличие от пореволюционной учебной книги, которая могла и вовсе не содержать в себе такого контента (как, например, уже упомянутое «Ясное утро» О. Флерова за 1929 год). Чтобы проиллюстрировать значимость зообеллетристики в дореволюционной учебной книге, приведем некоторые соотношения: хрестоматия Е. Кирпичиковой «Новая книга для чтения» за 1908 год [Новая книга... 1908], суммарно состоящая из 334 статей, содержит 112 текстов о животных, а в книге для чтения Д. Тихомирова «Вешние всходы» за 1912 год [Тихомиров 1912] на 214 статей приходится 67 анималистических произведений.

Переходя к конкретным авторам рассказов о животных в дооктябрьских учебниках, прежде всего стоит выделить Толстого. Писатель представляет важную фигуру для педагогики. Его идеи дали начало влиятельному направлению русской педагогической мысли, придерживающейся принципов «свободного воспитания» и ключевого значения семьи в процессе развития ребенка [Грицай 2011]. Именно толстовской линии в педагогике придерживались издатели И. Горбунов-Посадов и В. Лукьянская, к которым мы еще обратимся далее. Характеризуя в целом роль текстов Толстого в дореволюционной хрестоматии, заметим, что их можно найти почти в каждой книге для чтения конца XIX — начала XX вв. По укорененности в школьном каноне и количеству текстов, к которым прибегают составители учебников, конкуренцию Толстому составляет разве что Крылов, чьи басни входят в содержание дореволюционных хрестоматий практически целыми корпусами.

Обратимся к анализу толстовской традиции описания животного. Справедливо в этом контексте вспомнить творчество Бостром, разделявшей сходные художественные принципы. Тексты обоих авторов объединяет обращение к образам домашних животных: лошадей, овец, собак, кошек и т.д. Описание диких зверей встречается реже, но все же присутствует. Однако и в этих случаях писатели задействуют таких животных, которые соседствуют с человеком, например, ежа и зайца. Как и большинство авторов, чьи тексты можно обнаружить в учебной книге рассматриваемого периода, Бостром и Толстой выбирают типичных представителей средней полосы России, описание редких и экзотических зверей отсутствует. Не находим мы и антропоморфизма, свойственного текстам Мамина-Сибиряка, о котором будет сказано далее.

Важно отметить, что для реалистических рассказов Бостром и Толстого принципиален взгляд на животный мир в контексте человеческой среды обитания — города или села. Именно взаимодействие человека (часто ребенка) и зверя играет существенную роль в их текстах. Это взаимодействие может иметь игровой, развлекательный характер и таким образом репрезентировать мотив «животные — друзья человека», а может выполнять воспитательную функцию — обучать ответственному и гуманному отношению к животным. Несмотря на то что рассказы рассматриваемых писателей посвящены животным, все же главные герои в них — люди. Именно они являются акторами, влияющими на развитие нарратива, и природный мир представлен с их точки зрения. Такова дореволюционная реалистическая традиция обращения к образу животного.

Однако существует и другая традиция зообеллетристики, жанровые корни которой — в фольклорной сказке. Один из главных представителей этой традиции, стабильно входящих в школьный канон, — Мамин-Сибиряк. Сопоставляя его сказки «Серая шейка» и «Не мое дело» с рассказами вышеописанных авторов, можно прийти к выводу, что если для прозы Бостром и Толстого принципиальна перцепция героев-людей и вписанность животного в человеческий быт, то Мамин-Сибиряк выбирает противоположный нарратив, исключая из повествования человека и описывая природу глазами животного.

Среди характерных черт поэтики Мамина-Сибиряка стоит выделить сказочный антропоморфизм. Наделенные сознанием и речью, звери взаимодействуют друг с другом и решают задачи так, как это делали бы персонажи-люди. Мамин-Сибиряк исключает значимый для сказки компонент аллегии, которая транслирует основы нравственных ценностей и социальных норм. В его интерпретации этот жанр приобретает формальную функцию, позволяющую доступно представить познавательный материал для маленького читателя. Оценить канонические тексты писателя как познавательные нам позволяет сравнение с текстами ранее описанной традиции: если рассказы Бостром и Толстого, которые формально посвящены животным, на деле в большей степени повествуют о человеческом быте и отношениях, то Мамин-Сибиряк, наоборот, описывает среду обитания и повадки зверей исключительно в рамках мира природы, отдельного от мира людей.

Таким образом, в традиции русской дореволюционной зообеллетристики мы имеем дело с жанровым разветвлением: с одной стороны, реалистические заметки о жизни домашних животных, и с другой — литературные сказки про зверей. Некоторое срединное положение между ними занимает проза Ушинского. Обратимся для

иллюстрации к рассказу «Странный цыпленок», в котором писатель изображает домашнюю птицу, что отчасти сближает его произведение с толстовской традицией. Интересно однако, что фигура человека не играет важной роли в повествовании. Говоря о рассказе «Пчелки на разведках», стоит отметить, что речь идет о животном, так же вписанном в человеческую среду обитания, однако не совсем домашнем в привычном понимании. Примечательно обращение к образу насекомого: несмотря на то, что на материале исследуемых книг для чтения можно обнаружить рассказы о насекомых (нехудожественные или художественные, но без указания авторства), все же среди авторских беллетризованных текстов это не самый частотный материал, по сравнению с теми же курицами, лошадьми и коровами. В рассказе важную роль играет сказочный антропоморфизм, сближающий текст Ушинского с работами уже рассмотренного ранее Мамина-Сибиряка. Как будет видно далее, использование этого приема открывает целую традицию, связывающую дореволюционную и новую советскую зообеллетристику в рамках школьного канона.

Немного особняком стоит и наследие Лукьянской, хотя она во многом является последовательницей идей Толстого. История вхождения текстов Лукьянской в школьный канон весьма прихотлива. Будучи писательницей дореволюционной эпохи, она сотрудничала с Горбуновым-Посадовым, вместе с которым в начале XX века издавала гуманитарно-зоологическую хрестоматию «Друг животных». Помимо этой книги, тексты Лукьянской не были обнаружены в других дореволюционных учебниках. Однако при советской власти составители хрестоматий и книг для чтения начинают регулярно обращаться к рассказам писательницы [Смена 1924]; [Горбунов-Посадов, Горбунова-Посадова 1923]. Так зообеллетристика дооктябрьской эпохи входит в школьный канон с приходом нового режима.

Главная особенность текстов Лукьянской в рамках школьного канона — развитие концепции Толстого о ключевой роли семьи в воспитании ребенка. Животные в ее рассказах описываются подобно детям, чье развитие, по мысли Толстого, должно происходить в кругу семьи. На анималистическом материале писательница развивает идею семейных ценностей. Такую специфику художественного метода Лукьянской можно было бы оценить как аллегорическое начало, если бы не натуралистическая точность, с которой писательница описывает поведение животных в естественной среде обитания. Наследуя педагогические идеи Толстого, зообеллетристика не подражает поэтике классика, но вырабатывает свой взгляд. Жанрово ее тексты справедливо отнести к натуралистическим заметкам в духе реализма Бостром и Толстого, но ее нарратив не имеет развлекатель-

ной или воспитательной функции, являя собой образец познавательной анималистической прозы. Читатель не находит в рассказах Лукьянской следов присутствия человека, животные описываются как часть отдельного мира природы. Нет в текстах и сказочного антропоморфизма, что позволяет заключить, что мы имеем дело с особенным восприятием природы, несводимым ни к традиции толстовского рассказа о человеке, взаимодействующем с животным, ни к традиции сказок о зверях Мамина-Сибиряка. В текстах, входящих в раннесоветский школьный канон («Медвежья семья», «Паук и его гнезда», «Мышка», «Лиса и ее семья» и др.), Лукьянская достаточно подробно описывает повадки, среду обитания и образ жизни зверей, что придает текстам почти энциклопедическую познавательность. Как будет видно далее, категория познавательности будет играть значимую роль и в творчестве новых советских писателей.

Подводя промежуточный итог, отметим, что **при анализе дореволюционной зообеллетристики, представленной в раннесоветском школьном каноне, мы обнаружили три основные тенденции: антропоцентристский реализм Толстого, сказочная поэтика Мамина-Сибиряка и познавательный анимализм Лукьянской.** Далее попытаемся определить, какие из этих тенденций и в каком виде наследует раннесоветская школьная литература.

Итак, обратимся теперь к новым советским зообеллетристам, регулярно встречающимся в пореволюционном учебнике. Среди них

Медведица с медвежатами.

Илл. 2. Горбунов-Посадов И. Горбунова-Посадова Е.
Ясная звездочка. М.;
Пг.: Государственное
издательство, 1923.
С. 62.

важно выделить таких писателей, как О. Перовская, М. Пришвин и В. Бианки.

В рассматриваемый период рассказам Пришвина и Перовской уделяется сравнительно немного внимания, однако их тексты с заметной регулярностью печатаются в учебной литературе. Например, книга для чтения для второго класса Е. Фортунатовой за 1934 год [Фортунатова 1934], к которой мы еще обратимся, содержит видоизмененные рассказы Перовской и Пришвина, озаглавленные как «Тигренок» и «Утята и ребята» соответственно. Несмотря на то, что тексты претерпели определенное вмешательство редакторов хрестоматий, все же внимание к этим рассказам свидетельствует о том, что мотив «животные — друзья человека», который мы наблюдаем и в дореволюционных хрестоматиях, сохраняет свою актуальность и в раннесоветской учебной литературе. Это особенно значимо в отношении учебников 1930-х годов, как никогда подверженных влиянию идеологизированной оптики, для которой свойственно рассматривать животных исключительно как источник пользы в хозяйстве. В этом контексте важно отметить новаторство Перовской, впервые задействовавшей в этом мотиве образ нетипичного дикого животного. В тексте описывается адаптация тигренка к жизни в городской семье. Рассказчица говорит о тех курьезах, которые происходят с диким зверем в непривычной среде, а также о том, как дети учатся о нем заботиться. Таким образом, писательница работает с традиционным мотивом на новом, экзотическом материале.

Говоря о тексте Пришвина «Ребята и утята», который озаглавлен в книге Фортунатовой как «Утята и ребята», можно сказать, что новаторство писателя заключается в переосмыслении мотива «животные — друзья человека» с точки зрения осознания ответственно-

Илл. 2. Горбунов-Посадов И. Горбунова-Посадова Е. Ясная звездочка. М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. С. 62.

сти человека, необходимости бережного отношения к природе. Если в рассказах Толстого этот мотив сопряжен с исследовательским интересом ребенка, активно изучающего мир вокруг и непосредственно взаимодействующего с животными, то в текстах нового автора принципиальна эксплицитно выраженная позиция невмешательства человека в жизнь природы:

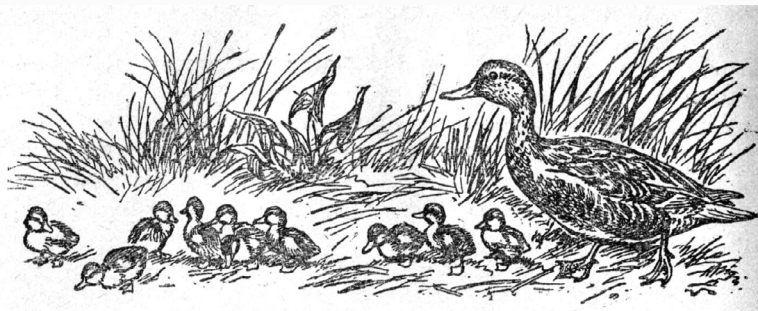
— Вот то-то “пустим”! — сказал я очень сердито. — Зачем вам надо было их ловить? Где теперь мать?

— А вон сидит! — хором ответили ребята. И указали мне на близкий холмик парового поля, где утка действительно сидела с раскрытым от волнения ртом.

— Живо, — приказал я ребятам, — идите и возвратите ей всех утят! [Пришвин 1950: 27].

Как и Перовская, Пришвин работает с образом дикого животного, хотя и не экзотического, однако смысловой акцент рассказа концентрируется не в непосредственном контакте детей и животных, а, скорее, в указании героя-ментора на необходимость не навредить природе. То есть Пришвин, в отличие от Перовской, предлагает ввести в рассматриваемый мотив экологически-гуманную дистанцию между животным и человеческим мирами.

Далее рассмотрим творчество Бианки, который был особенно популярен у составителей пореволюционных хрестоматий и книг для чтения. Рассказы Бианки начинают входить в содержание школьных учебников сразу вскоре после первой публикации в журнале «Воробей» за 1923 год рассказа «Путешествие красноголового воробья». Впервые к текстам зообеллетриста обращается «Хрестоматия восьмилетка» [Сверчков 1924]. В том же году без указания авторства публикуется его текст «Сколько у кого детей» [Венгров, Осмоловский 1924]. С 1925 года рассказы «Кто чем поет», «Чей нос лучше» [Зеленый шум 1925], а также «Чьи это ноги» [Соколов, Соколова 1926] входят в школьный канон и становятся самыми частотными рассказами Бианки в учебной литературе. Среди 64 изученных книг для чте-

Илл. 4. Фортунатова Е.Я.
Книга для чтения
для второго класса.
М.: Государственное
учебно-педагогическое
издательство, 1934.
С. 82.

ния раннесоветского периода в 16 были обнаружены тексты Бианки в оригинальном или сокращенном и отредактированном виде (в том числе анонимизированные). На изученном материале было выявлено, что составители хрестоматий обращаются суммарно к 23 текстам Бианки. Такая популярность весьма показательна, если сравнивать с количеством рассказов его коллег — Пришвина и Перовской — в составе раннесоветского учебника. Зообеллетрист печатался в весьма авторитетных и тиражных учебниках (например, «Игра и труд» [Соколов 1929], «Ясное утро» [Флеров 1929] и «Книга для чтения» [Фортунатова 1934]) и с каждым годом все больше укреплял свои позиции в школьном каноне [Климас, Маслинская 2022: 55–56].

Очевидно, популярность Бианки в сегменте зообеллетристических рассказов раннесоветской учебной печати вне конкуренции. Представляется, что феномен такой востребованности писателя заключается в созвучии определенных принципов художественного описания животных, выраженных в его текстах, с актуальной раннесоветской педагогической повесткой, к которой мы обращались в начале статьи. Перейдем к примерам. Марксистская педагогика, разработавшая «комплексный метод» обучения [Андреева, Малиновский, Соломин 2018], рассчитывала объединить различные дисциплины, чтобы представить школьный материал как цельную систему. Сходный принцип можно усмотреть и в творческом методе Бианки, который стремился изобразить природу как единый мир, в котором каждый вид находится в неразрывной взаимосвязи с другими. Изображение такой цельности окружающей среды достигается с помощью авангардного приема монтажа (подробнее об этом см. [Маслинская 2020]), который автор использует для создания типологических описаний природы. Этот прием встречается почти в каждом рассказе зообеллетриста. Так, например, в «Чей нос лучше» Бианки соотносит птиц по их клювам, в «Чьи это ноги» — по ногам, а в «Кто чем поет» — по издаваемым звукам. Такая типологизация позволяет писателю эффективно задействовать большое количество животных в одном рассказе, при этом не перегружая текст. Редко можно наблюдать одного или двух зверей в текстах зообеллетриста, часто количество их колеблется в районе 8–15: в рассказе «Чей нос лучше» Бианки упоминает десять видов птиц, в «Чьи это ноги» можно насчитать девять представителей одной среды обитания, а в «Кто чем поет» — восемь. Представляется, что такая структура повествования не только наглядно раскрывает взаимосвязи в природе, но и эффективно транслирует научное знание в компактной художественной форме, что, вероятно, так же ценилось составителями новых советских учебников.

Важно обратить внимание на такую особенность художественного метода Бианки, как сочетание научного материала и сказочного антропоморфизма. Животные в большинстве его текстов наделены сознанием и речью, они мыслят и действуют, почти как люди. В этом смысле писатель продолжает дореволюционную традицию описания зверей в сказке. Подобное «очеловечивание» позволяет Бианки стимулировать интерес маленького читателя и облегчить восприятие познавательного материала, сделать его эмоционально доступнее. В то же время, повествование строится на крепкой естественнонаучной базе. Бианки, который пришел в литературу из биологии, по выражению Т. Федяевой, «всегда был включен не только в литературную, но и в научную орбиту мысли» [Бианки, Федяева 2020: 32]. Именно этим обуславливается особенная исследовательская оптика в нарративе о животных, отличающая Бианки от других зообеллетристов. Неудивительно, что его тексты часто называют научно-художественными сказками [Неуймина 1982] и художественно-познавательной литературой [Арзамасцева, Николаева 2013]. **Адаптированный для детей способ трансляции научного знания, а также сжатая форма короткого познавательного рассказа, в нашем представлении, составляют объективно подходящий для хрестоматии текст. По этой причине феномен популярности Бианки среди составителей учебных книг представляется нам вполне обоснованным.**

Как пишет Л. Рудова, «детская литература становится “экологической совестью” советской культуры» [Рудова 2013: 153]. Это особенно заметно в сегменте авторских текстов о природе в составе раннесоветских учебников, постепенно все более вытесняемых нехудожественными статьями о хозяйственном значении животных. Индустриализация и материалистическое мировоззрение, культивировавшееся большевистской педагогикой, привели советское общество к негуманному «завоевательскому» отношению к природе, достигшему своего апогея в эпоху сталинизма. Дискурс освоения природы с целью использования ее ресурсов в строительстве нового мира к 1930-м годам постепенно приобретает милитаристскую окраску. Симптоматичным в этом контексте является стихотворение С. Маршака «Война с Днепром», входившее в школьную программу. Менее типичными для этой эпохи являются тексты, в которых выражается эстетическое восприятие природы как отдельного мира, заслуживающего сентиментальной дружбы (Перовская), гуманного отношения и невмешательства (Пришвин), а также внимательного изучения (Бианки). Именно поэтому мы находим примечательным рассмотренный феномен зообеллетристики, по своему идейному содержанию

оппозиционной официальному экодискурсу и тем не менее входящей в новый советский школьный канон.

Описанный раннесоветский школьный канон зообеллетристики показателен как исключительное литературно-институциональное явление, почти избежавшее идеологического воздействия. Оговоримся, что определенное влияние все же можно заметить в сокращении количества текстов о животных в политизированном учебнике. Однако можно с уверенностью утверждать, что поэтика и идейное содержание аполитичного анималистического рассказа не подверглись советизации. Как заметила О. Октябрьская, «детская литература первой половины XX в. развивалась, скорее, не благодаря, а вопреки идеологическим и политическим установкам» [Октябрьская 2017: 29]. Это утверждение вполне справедливо для интересующего нас материала. Представляя собой органичный симбиоз дореволюционной традиции и новаторства в духе эпохи, зообеллетристика на страницах школьного учебника одновременно и отчасти соответствует (вероятно, ненамеренно) некоторым советским задачам по глобальной перестройке действительности (например, популяризации науки), и выпадает из официальной риторики воинственного завоевания природы, представляя собой, таким образом, неоднозначный и многогранный феномен.

Подводя итог, подчеркнем, что, несмотря на революционное обновление педагогической мысли в целом и формата учебной книги в частности, говорить о кардинальных переменах в раннесоветском школьном каноне зообеллетристики не приходится. При анализе хрестоматий за 1920–1930 годы было выявлено, что среди учебников, содержащих художественные тексты о животных, рассказы авторов дооктябрьского периода по-прежнему занимают важное место. В новой детской художественной литературе исследуемого периода присутствует продолжение определенных дореволюционных традиций. Это довольно характерно для раннесоветской системы образования: педагоги-реформаторы, критиковавшие дореволюционную школу за ее схоластику, тем не менее восприняли и развили многие идеи, предложенные педагогами-предшественниками [Королев 1958]. Тот же процесс мы наблюдаем и на примере школьного литературного канона. Несмотря на то что в него начинают входить новые советские авторы, дореволюционные писатели и поэты не теряют своих позиций. Впрочем, наследующая дореволюционной литературе раннесоветская зообеллетристика все же претерпевает определенное обновление. Ярким примером этого процесса служит творчество Бианки, эффективно задействующего поэтику авангарда на познавательном природоведческом материале.

Список источников

1. [Байдина, Прянишникова 1930] — *Байдина А.В., Прянишникова Е.В.* За новую жизнь. М.: Работник просвещения, 1930. 64 с.
2. [Венгеров, Осмоловский 1924] — *Венгров Н., Осмоловский Н.* Мы в школе: Книга вторая для работы в школах Сибири. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1924. 158 с.
3. [Горбунов-Посадов, Горбунова-Посадова 1923] — *Горбунов-Посадов И. Горбунова-Посадова Е.* Ясная звездочка. М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. 256 с.
4. [Горбунов-Посадов, Лукьянская 1902] — *Горбунов-Посадов И. Лукьянская В.* Друг животных. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1902. 255 с.
5. [Зеленый шум 1925] — Зеленый шум: хрестоматия для трудовой школы. Второй год / Сост. Е.Е. Соловьева, В.И. Волынская, А.М. Смирнова, Л.П. Богоявленский, Н.Н. Щепетова. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. 172 с.
6. [Новая книга... 1908] — Новая книга для чтения / Сост. Е.А. Кирпичникова. Ч. 1: Хрестоматия для приготовительных классов. М.: 1908. 312 с.
7. [Палей, Энтина 1935] — *Палей И. Энтина Г.* Книга для чтения. Киев: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1935. 126 с.
8. [Пришвин 1950] — *Пришвин М.М.* Ребята и утята // Журка. Рассказы. Молотов: Молотовгиз, 1950. 31 с.
9. [Сверчков 1924] — *Сверчков И.* Хрестоматия восьмилетка: Книга для I отделения сельской школы. Л.: Государственное издательство, 1924. 226 с.
10. [Смена 1924] — Смена. Первая книга для чтения. / Под ред. К. Свердловой. М.: Государственное издательство, 1924. 256 с.
11. [Соколов 1929] — *Соколов К.Н.* Игра и труд: Вторая книга для чтения и работы в городской школе. М.; Л.: Государственное издательство, 1929. 199 с.
12. [Соколова, Соколов 1926] — *Соколова А.Ф., Соколов К.Н.* День за днем. Первая книга для чтения в деревенской школе. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. 208 с.
13. [Тихомиров 1912] — *Тихомиров Д.И.* Вешние всходы. Первая после азбуки книга для чтения и бесед, устных и письменных упражнений в школе и в семье. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1912. 186 с.
14. [Флеров 1929] — *Флеров О.В.* Ясное утро. Книга для четвертого года обучения. М.: Государственное издательство, 1930. 448 с.

15. [Фортунатова 1934] — *Фортунатова Е.Я.* Книга для чтения для второго класса. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934. 96 с.

Список литературы

1. [Абрамов 2013] — *Абрамов Р.* Популяризация науки в СССР как элемент культурной политики // *Время, вперед! Культурная политика в СССР / Под ред. И. Глущенко и В. Куренного.* М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. С. 80–88.
2. [Андреева, Малиновский, Соломин 2018] — *Андреева Н.Д., Малиновская Н.В., Соломин В.П.* Методика обучения биологии. История становления и развития: учебное пособие для академического бакалавриата / Ред. Н.Д. Андреевой. М.: Издательство Юрайт, 2018. 288 с.
3. [Арзамасцева, Николаева 2013] — *Арзамасцева И.Н., Николаева С.А.* Детская литература. М.: Издательский центр «Академия», 2013. 574 с.
4. [Бианки, Федяева 2020] — *Бианки В.В., Федяева Т.А.* Виталий Бианки: жизнь и творчество. СПб.: Петрополис, 2020. 334 с.
5. [Грицай 2011] — *Грицай Л.* Идеи «Свободного воспитания» детей в семье в педагогическом наследии Л. Н Толстого и К. Н. Вентцеля // *Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки.* 2011. № 3. С. 164–181.
6. [Климас, Маслинская 2022] — *Климас З.В., Маслинская С.Г.* В Бианки в книгах для чтения 1920-30-х гг. (о хрестоматизации творчества писателя) // *#Ученичество.* 2022. № 1. С. 54–62.
7. [Королев 1958] — *Королев Ф.Ф.* Очерки по истории советской школы и педагогики. 1917–1920. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1958. 551 с.
8. [Ленин 1967] — *Ленин В.И.* Задачи союзов молодежи // *Полное собрание сочинений В.И. Ленина.* М.: Издательство политической литературы, 1967. 579 с.
9. [Маслинская 2020] — *Маслинская С.Г.* Зообеллетристика начала XX в.: авангард и педагогика. СПб: Вестник ПСТГУ, 2020. С. 136–150.
10. [Неуймина 1982] — *Неуймина Н.К.* Природа и мы: Мера ответственности. Л.: Лениздат, 1982. С. 116–147.
11. [Октябрьская 2017] — *Октябрьская О.С.* Формирование и развитие жанровой системы в русской детской литературе 1920–

- 50-х годов: Автореферат дис. ... док. фил. наук. М.: ЛИ им. Горького, 2017. 37 с.
- 12.[Рудова 2013] – *Рудова Л.В.* Экологическое сознание советской детской литературы 1930-х гг. // «Убить Чарскую...». Парадоксы советской литературы для детей / Сост. и ред. М.Р. Балина и В.Ю. Вьюгин. СПб: Алетейя, 2013. С. 152–167.
- 13.[Сенькина 2008] – *Сенькина А.А.* Книга для чтения в 1920-х годах: старое vs новое // Учебный текст в советской школе: Сборник статей / Сост. С.Г. Леонтьева, К.А. Маслинский. СПб.; М.: 2008. С. 26–47.

Злата Владимировна Климас
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург),
Школа гуманитарных наук и искусств, бакалаврская программа «Филология»
zvklimas@edu.hse.ru

Zlata Klimas
HSE University (Saint Petersburg),
School of Arts and Humanities,
BA programme in Philology
zvklimas@edu.hse.ru